

© Е.М. Кагановская (Киев, Украина)

<ГАРМОНИЯ> ОТРИЦАНИЯ (ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В РОМАН МАРСЕЛЯ ЭМЕ “ДЕНИЗА”)

The paper focuses on the psycholinguistic aspects of negation as a literary text category viewed through semantics, pragmatics and compositional structure of “Denise” by Marcel Ayme. Negation proves to be the main text-forming concept in the unpublished novel under analysis. In terms of style it rejects the most essential peculiarities of Marcel Ayme’s individual style. In terms of character description the novel suggests most contradictory if not incompatible lines of characterization. In terms of fabula the novel presents a controversial story of the main character who retains the capacity for pure love being plunged into most horrible family atmosphere. On the conceptual ahead for the heroine and the decay of everything that may be associated with her past and present.

Каким образом все эти отрицательные конструкции логически сочетаются в начальном абзаце (который состоит из 15-20 строчек), не нарушая целостности повествования, навсегда останется привилегией автора Денизы. Читателю приходится лишь констатировать и восторгаться своеобразной логикой, присущей именно Марселю Эме, согласно которой отрицание не завершает мысль, а открывает перспективы для ее дальнейшего восприятия.

Итак, возникает вопрос относительно логики повествования у Марселя Эме. Имеет ли какое-то значение, что роман Дениза так и остался незавершенным в рукописи в одном из ящиков письменного Еатола писателя. Случайно обнаруженный известным исследователем его творчества профессором Гаврского университета Мишелем Лекурером, написанный мелким, трудно разборчивым почерком М.Эме в школьной тетради, этот роман не мог остаться навсегда в забвении. Справедливо, однако, заметить, что на протяжении всей своей жизни Марсель Эме никогда не вспоминал о нем, равно как и то, что э тот роман с большой долей сомнения можно <вписать> в рамки столь уже знакомого читателю стиля “Фигаро XX века”, как удачно сказал о Марселе Эме Клод Дюфренуа (Dufresnoy 1982: 17).

Для того, чтобы в дальнейшем было ясно, о чем идет речь, кратко представим содержание романа: юноша, навещая в больнице своего друга, попавшего в автомобильную катастрофу и лишённого на о /ределенное время возможности двигаться и разговаривать, желает “скрасить” его вынужденный досуг рассказом о жизни девушки, в которую он влюблен с детства, и о ее близких. Внешне банальная история, не заслуживающая пристального внимания, превращается в удивительную поэму, леграновскую “историю любви”, непостижимым образом сочетая нежность прекрасных, чистых отношений героини с рассказчиком и грубость, низость вынужденного сосуществования 23 членов большой семьи Денизы в трех маленьких комнатах с бесконечными ссорами и постоянными очередями в одну ванную комнату и один туалет. Насколько эта грустная картина знакома нам, вышедшим из “хрущевок” и “коммуналок” и совершающих над собой огромнейшие усилия, чтобы наконец забыть “коллективное” существование, когда радость переселения из подвалов была вскоре омрачена всепоглощающей общей ненавистью. Еще одно подтверждение ошибочности практического воплощения прекрасной, однако нереальной теЕ.рии единения людей, каждый из которых является личностью, с большим трудом воспринимающей другую личность. Вот отрицание, подтвержденное почти полувекowym опытом!

Постараться забыть, отвергнуть прошлое с целью постичь настоящее и войти в будущее. Несколько упрощенная схема поведения героини в душающей обстановке навязчивых коммунистических иде й отца, маниакального желания матери проводить умопомрачительные арифметические действия и бессмысленного соперничества невесток. Перед нами проходят удивительные типажи обитателей перенаселенной квартиры, вынуждая вспомнить не менее оригинальный роман Жоржа Перека La Vie Mode d’emploi, характеризующийся проникновением в быт, привычки и даже образ мыслей <пчелиного улья> современн ого многоэтажного здания. Однако в противовес персонажам Перека, намерения которых сводятся к минимуму необходимого общения (а в идеале, вообще полностью бы его исключили), героиня Эме совершает над собой усилие, покидая улей. Какова же она, Дениза? ... Une petite brune aux traits fins, rieuse et toujours nette dans ses paroles comme dans ses attitudes ... Des jambes tres bien faites, comme on n’en rencontre pas une paire par an, des jambes dans lesquelles il y a presque autant d’esprit qu’en peut exprimer un visage (p.7-8). Она само изящество, воплощенный разум, хотя М.Эме нам об этом прямо и не говорит. Читатель уже никогда не узнает, какой же у нее разрез глаз и овал лица. возможно, в данном случае эти детали только перегружали бы рассказ. Традиционная характеристика отвергается Марселем Эме, предлагая читателю нечто необычное - очаровательную улыбку героини и описание ее ног (подразумевая, скорее всего, ее по ходьку), способные отразить не только ее эмоциональное состояние, но и интеллектуальный уровень. Итак, физическое и духовное объединяются в единое целое, создавая общую картину красоты и благ ополучия на несколько неопределенном пространстве одного из углов трех комнат <семейного общежития>, где продуманные за много лет до малейших деталей проблемы быта и совместного бюджета на

‘яду с необходимостью стали приносить даже некоторую радость: ... une promiscuite assez etroite ... avait fini par etre un plaisir et un besoin (p.10). Хотя в конкретной ситуации радость является понятием более чем относительным, ибо постоянно находится под угрозой омрачения, как в случае с канарейкой Денизы, которую девушка однажды не находит на привычном месте в вестибюле. Что же отвечает Денизе ее невестка Фраксе(я)? J'aime pas la facon que tu me regardes. Ton oiseau merdeux, je m'occupe pas, mais s'il creve, j'aurai pas une peine (p.10). Фраза, состоящая из одних отрицаний, объясняется в дальнейшем самой же Фраксией: l'oiseau merdeux, il est a sa place. Какое же именно место отвели <нежные> родственники птице? Дениза сразу догадывается, что клетка с ее любимой канарейкой находится в <изгнании> в туалете и подвешена нарочно так высоко, что девушке приходится Е/одняться на унитаза, чтобы ее достать. (Вот уж воистину милое семейство, не правда ли?).

Гармония <счастливого> общежития разрушена из-за одного незначительного недоразумения. Легкий, невинный фарс переходит в откровенную вражду с оскорблениями и оплеухами с обеих сторон, нитьем малышей и неудачными попытками старшего Майяра утихомирить разбушевавшие еся семейство.

Резкая смена декораций (один из излюбленных приемов Марселя Эме вхождения в театральное действие) непредсказуемо приводит к разрыву молчаливой <конвенции> между родственниками - не претупать границ дозволенного. Как ни странно, наибольшую волну всеобщего протеста вызывают не взаимные угрозы, а упреки в занятии определенного жизненного пространства: Denise rompaît l'accord selon lequel chacun s'interdisait de contester a toute autre personne de la famille sa part de logement (p.11). Данная мысль усиливается отрицанием, которое приобретает уже форму аксиомы: Nul ne devait eprouver le sentiment de se trouver la en surnombre ou d'y etre tolere. Отрицание, имеющее в своем выражении конкретные черты утверждения, наилучшим образом отвечает общей внешней контекстуальной направленности повествования.

Дальнейшие события приобретают несколько иную ориентацию, хотя их логика в целом соответствует противоречивому душевному состоянию героини. Речь идет о ее встречи с собакой. Почему именно животным отводится преимущественная роль в решении Денизы оставить родительский дом? Это не единственный пример обращения Эме к образам домашних животных, начиная с Зеленой Кобылицы и Qказок Кота Мурлыки, где и волк не является волком в традиционном понимании (хотя также испытывает непреодолимое желание съесть современную Красную Шапочку), где бык бесцеремонно вторгается в область высшей математики и очень даже в ней преуспевает. Животные - персонажи Эме - не просто влияют на поведение людей, они способны вторгаться в их личную жизнь, как, например, обыкновенный фарс с канарейкой, который приводит к серьезному семейному скандалу и вынуждает Денизу выйти на улицу с желанием успокоиться.

Оказавшись на улице, первым желанием Денизы было пойти в кино, однако внезапно последовавшая за ней дворняга (un grand chien gris fonce, un corniaud, surement, qui tenait du berger allemand, p.16) полностью меняет ее намерен (я.Что только не делает Дениза, чтобы избавиться от надоедливого попутчика! Однако ни нежные слова убеждения, ни топот ног, ни попытка спрятаться в вестибюле кинотеатра неспособны уже повлиять на желание последнего приобрести себе хозяина. Отрицание Денизой самой возможности забрать с собой собаку (Mille regrets, mon vieux, mais dans les logements ouvriers du boulevard Ney ... il n'y a pas d'inconvenient a ce rencontre d'une demoiselle et d'un corniaud tourne rond, p.17) превращается в уверенность оставить ее себе. Надев псу на шею пояс от платья, Дениза прини